

НОВЫЕ КНИГИ

Мальцев А. И.
Старообрядческие беспоповские согласия
в XVIII — начале XIX века

Традиция изучения старообрядчества в отечественной исторической науке богата фундаментальными исследованиями. Только в последние годы вышли в свет очень важные монографии, ценные справочники, были изданы новые источники¹. Проблематикой, связанной с историей староверия, занимаются как отдельные исследователи, так и научные коллективы. Однако выход из печати монографии талантливого новосибирского исследователя А. И. Мальцева, безвременно ушедшего из жизни в 2005 г., несомненно следует считать значительным событием в изучении истории русского старообрядчества. С одной стороны, в работе вполне узнаваемы научный стиль и методы новосибирской школы археографов, созданной Н. Н. Покровским. К этой школе принадлежал и Мальцев. Добросовестность, основательность источниковой базы, широкий круг новых материалов, впервые извлеченных из рукописных хранилищ и вводимых в научный оборот, богатство новых фактов в соединении с тщательностью и исследовательской щепетильностью в их анализе обеспечивают прочность исторических реконструкций в исследованиях новосибирских археографов.

Все сказанное в полной мере может быть отнесено и к последней работе Мальцева, делая ее достойной самого пристального внимания коллег и обеспечивая ей долгую жизнь в науке. Монография Мальцева занимает особое место и может быть выделена из ряда работ по истории старообрядчества, изданных в последние десятилетия. Работа нова по постановке задач и по подходу к материалу. В центре исследования автора находится тема взаимоотношений старообрядческих беспоповских согласий в XVIII — начале XIX в. Полноценное раскрытие темы невозможно без анализа старообрядческих полемических сочинений. И не то ново, что в работе эти сочинения кропотливо исследованы во всем своем многообразии. Старообрядческая полемическая

Мальцев А. И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 572 с.

литература — традиционный предмет историко-филологических штудий, посвященных истории староверия. Однако богословско-полемические сочинения старообрядцев интересуют исследователей в большей степени как материал для собственно исторических или филологических построений. Задача богословского анализа, как правило, не ставится. Новизна исследования Мальцева состоит именно в том, что в центре внимания оказывается не только собственно историческая проблематика, но и в меньшей степени догматико-канонические проблемы богословия староверов XVIII столетия и их обрядовая практика. Этой стороной исследования примыкает к традиции дореволюционной школы исследователей старообрядчества, наиболее ярким представителем которой был П. С. Смирнов. В определенном смысле работу Мальцева можно рассматривать как продолжение исследований Смирнова² и в более широком смысле — как возрождение и продолжение той научной традиции, которую Смирнов представлял.

Рецензируемая монография состоит из введения, 4 глав, заключения и приложения. Во введении определены объект и проблематика исследования, сформулированы задачи, обоснованы географические и хронологические рамки работы. Традиционный для жанра введения историографический обзор здесь почти отсутствует, ибо в изучении темы у Мальцева практически нет предшественников и, как отмечает сам автор, «исследование подобного рода предпринимается впервые» (с. 17). Предельно кратко характеризуется и источниковая база исследования. Во введении даны лишь самые общие замечания, а «конкретные источниковедческие проблемы решаются по ходу изложения материала» (с. 20), что представляется вполне оправданным. Переходя к непосредственному рассмотрению содержания работы следует отметить, что рецензирование монографии Мальцева представляет определенную трудность: если указывать все достоинства работы, то текст рецензии по своему объему будет немногим уступать самому исследованию, а полноценно полемизировать с автором можно, лишь проделав такой же объем работы, так же хорошо зная старообрядческую письменность XVIII столетия. Первые 3 главы работы посвящены изучению взаимоотношений основных беспоповских согласий (поморского, федосеевского и филипповского) в XVIII — начале XIX в. Если суммировать сделанное автором, то можно выделить 3 главных направления, по которым работа может быть интересна читателю.

Во-первых, в монографии изложена внешняя история взаимоотношений согласий, изложена последовательно, основательно. Следует отметить, что очень многое сделано впервые. Большой новый фактический материал извлечен из источников, обобщен. Восстановлен событийный ряд. Уточнены биографии многих участников событий, прояснены их богословские взгляды, определен объем письменного наследия.

Во-вторых, в работе представлена история внутреннего самоопределения согласий. Каждое согласие мыслило себя как истинную Церковь Христову, полагало, что только оно неповрежденно хранит православную веру. Но каждое согласие сталкивалось с необходимостью квалифицировать тем или иным

образом весь остальной христианский мир вообще и ближайшие старообрядческие согласия в частности. Причем вопрос о том, как относиться к представителям других старообрядческих согласий, был актуален не столько в теоретическом, сколько в практическом плане: как принимать из одного согласия в другое? Возможна ли совместная молитва для представителей разных старообрядческих согласий? По сути дела, старообрядческая мысль была вынуждена решать сложнейший богословский вопрос о границах Церкви. Правда, почти исключительное сосредоточение на практической стороне вопроса повредило общему пониманию проблемы, ибо только в формально-канонической области вопрос вполне удовлетворительно решен быть не может. Как показывает собранный Мальцевым материал, суждения старообрядцев-беспоповцев по этому вопросу часто были противоречивыми и непоследовательными, практика — различной, хотя представители традиционных беспоповских согласий все же осознавали свое единство и признавали благодатность крещений друг друга.

В-третьих, поскольку необходимость внутреннего самоопределения предполагает формулирование собственной вероучительной позиции и выяснение позиции других по пререкаемым вопросам, то Мальцев просто вынужден был рассмотреть в работе старообрядческую полемику по основным спорным темам как между беспоповскими согласиями, так и внутри этих согласий. И действительно, читатель найдет в монографии обзоры полемики о титле на кресте, о «торжищном брашне», о возможности моления за царя и форме такого моления, а также по другим вопросам. Довольно много внимания в работе уделено решению вопроса о браке в старообрядческих беспоповских согласиях в XVIII в. Рассмотрению этой темы посвящен отдельный параграф в 3-й главе книги («Проблема брака во внутренней полемике поморского согласия» — с. 317–338). Кроме того, большое внимание вопросу уделяется и на других страницах книги. Причем тема раскрыта достаточно полно. Споры о браке представлены во всех своих существенных аспектах, и прочтение работы создает целостное впечатление о полемике по пререкаемому вопросу. Однако не со всеми оценками автора можно согласиться. Например, мне кажется излишне односторонним следующее умозаключение: «Прямым подтверждением того, что защита “староженческих” браков Феодосием Васильевым непосредственно связана с конъюнктурой, со стремлением привлечь в ряды своего согласия как можно больше сторонников, является факт отрицания законности “староженческих” браков тем же Феодосием Васильевым на соборе 1694 г. (статьи 4 и 7)» (с. 32). Все-таки я считаю, что взгляды Феодосия Васильева могли эволюционировать, пусть и не без влияния тех или иных жизненных обстоятельств. Тем более что поздние взгляды Феодосия Васильева на брак мне представляются более обоснованными, чем ранние, а сама мысль о законности браков «староженков» кажется мне необыкновенно важной для развития всей дальнейшей полемики о браках. Оценивая полемику по вопросу о браке, шедшую между Феодосием Васильевым и выговцами, Мальцев не совсем справедливо отдает преимущество последним (с. 38–39), хотя и отмечает, что «Феодосий

Васильев решает важный догматический вопрос о таинстве брака смелее» (с. 39). Трудно также согласиться и с утверждением, что решение федосеевцев разводить браки «староженов», венчавшихся в польских костелах, и оставлять без развода браки «староженов», заключенные в православной Церкви, является логически понятным, так как, «если “никонианский” священник — отступник и еретик, то священник католический — еретик в еще большей степени» (с. 109). Если федосеевцы тех и других принимали через перекрещение, то степень тут не имеет значения или, вернее сказать, степень здесь одна: для федосеевцев и те и другие — еретики первого чина. Наиболее логичной и соответствующей церковному учению следует считать позицию, отраженную «в первых сочинениях федосеевцев», где «речь шла о том, что могут считаться законными любые браки, заключенные в неверии, — и языческие, и еретические» (с. 109). Еще раз подчеркну, что именно эта позиция в большей степени отражает учение о браке, содержащееся в Священном Писании (1 Кор. 7.14) и канонах (правило 72 Пято-Шестого собора). И софистические вопросы поморцев совсем не показывают «абсурдность позиции федосеевцев в оправдании “староженов”» (с. 123). Ответ на эти вопросы прост: заключенные до крещения браки признаются Церковью, если не нарушают условий, соблюдение которых обязательно для заключения церковного брачного союза. Причем по отношению к отдельным нарушениям брачного права может быть допущено снисхождение. Надо думать, что федосеевцы примерно так и отвечали. По крайней мере это следует из описания беседы, состоявшейся 28 марта 1761 г. между поморцем Михаилом Григорьевым и федосеевцем Ильей Ивановым (с. 125). Ответы Ильи Иванова вполне основательны, только вопрошатель этого не хочет видеть. Он задает вопросы ради самих вопросов, и ответы, какими бы они ни были, ему не нужны. Цитируемые Мальцевым сочинения (с. 123–125) предвзяты и вряд ли во всем точно передают происходившее на беседах. Если в описании бесед позиция федосеевцев представлена как абсурдная, то из этого не следует, что она таковой была на самом деле. Описания бесед интересны в другом смысле: они показывают, что общее настроение было в тот период направлено не к поиску мира, а к обособлению.

Конечно, учение ранних федосеевцев о браке не являлось совершенным, оно не было свободно от противоречий (с. 57), какие-то вопросы на том этапе развития старообрядческой мысли просто не находили ответов, но исходная позиция была правильной, направление осмысления проблемы задано верное. Правда, в дальнейших спорах с поморцами, на путях поиска компромисса, федосеевское учение о браке не уточнялось, но в большей степени запутывалось, становилось более противоречивым. Наиболее приемлемое решение проблемы, как нам представляется, было найдено в конце XVIII в. московскими поморцами, утвердившими законность бессвященнословных браков. И может быть, то обстоятельство, что предложившие решение проблемы поморские авторитеты были, так сказать, «генетически» связаны с федосеевским согласием, не есть в спорах о браке обстоятельство случайное.

Ясно, что споры о браке были явлением сложным и на решение вопроса влияли «естественные требования жизни», «накал эсхатологических ожиданий» (с. 338) и иные факторы. Но если мы пытаемся рассмотреть споры о браке как факт, характеризующий развитие старообрядческой мысли, то нам необходимо абстрагироваться от внешних факторов, влиявших на развитие споров, и даже в какой-то мере от конкретики самих споров, нашедшей отражение в старообрядческой письменности. Представим основную проблематику споров о браке несколько отвлеченно. Сведем все к главным вопросам и принципиальным достижениям. Я уже отметил большую важность факта признания Феодосием Васильевым законности брака «староженов». Этим утверждением в богословские воззрения беспоповцев на брак вносилось серьезное противоречие, и вся дискуссия о браке, развернувшаяся в XVIII в. и в более поздний период, есть по сути попытка снять или разрешить это противоречие. Ранние беспоповцы строили свое учение на тезисе о прекращении благодатного священства, признавали реальность лишь двух таинств — крещения и покаяния и отрицали возможность осуществления в переживаемом историческом времени таинства брака. Феодосий Васильев, признавая браки «староженов», по сути, утверждал, что брак для члена Церкви (в беспоповском понимании) возможен. Однако (и именно здесь противоречие) в жизни одних членов Церкви («староженов») брак может осуществиться, а в жизни других членов Церкви (рожденных в федосеевском согласии или вступивших в согласие безбрачными) брак невозможен. Так быть не должно.

Решение этого противоречия предполагает 3 направления развития мысли: 1. Подвергнуть сомнению, опровергнуть само утверждение. Выговские сочинения о браке представляют это направление старообрядческой мысли, продолжая в решении пререкаемого вопроса традицию раннего беспоповского богословия. Главный аргумент сторонников этой позиции — эсхатологический, ибо только он снимает с повестки дня сам вопрос. Вся остальная аргументация не имеет достаточного веса. 2. Оставаться на половинчатых позициях, замалчивать противоречие. Федосеевские сочинения о браке в большей степени представляют эту тенденцию развития мысли. 3. Снять противоречие, признав, что брак возможен для всех беспоповцев, признать бессвященнословные браки. Сочинения поморцев-брачников отражают эту тенденцию развития старообрядческого осмысления вопроса о браке. В связи со сказанным мы ни в коей мере не можем согласиться с некоторой недооценкой воззрений Феодосия Васильева на брак. С другой стороны, сказанное подтверждает продуктивность подхода Мальцева, изучавшего старообрядчество беспоповского согласия как цельное явление (с. 13), ибо только при таком подходе можно глубже понять старообрядческую полемику и более ясно представить ход развития старообрядческой богословской мысли.

Позволю себе высказать некоторые соображения еще по одному вопросу. На с. 98–99 (примеч. 212) Мальцев предпринимает попытку разобраться «в хронологии дискуссий поморцев и федосеевцев в 1744 г.» (с. 98.) о титуле

на кресте. Преткновение вызывает датировка «микрособора на чердаке у Сергея Мартынова» (с. 99). Исходные данные для датировки следующие. Собор состоялся после осмотра древнего креста императора Константина Великого, хранившегося в ризнице московского Успенского собора. Осматривать крест спорившие ходили в праздник Сретения Владимирской иконы Божией Матери, т. е. 21 мая. По завершении соборного заседания был пропет задостойник Пятидесятницы «Радуйся, Царице...», что свидетельствует о том, что собор состоялся в этот праздник. Пятидесятница празднуется 7 дней, с воскресенья по субботу, и во все эти дни положен задостойник. В 1744 г. Пасха была ранняя, и праздник Пятидесятницы приходился на период с 13 по 19 мая. Мальцев не совсем верно ограничил время пения задостойника 1-м и 2-м днями праздника, т. е. 13 и 14 мая (с. 98).

Видим, что согласовать эти данные сложно даже при увеличении количества дней, в которые по Уставу поется задостойник. Мальцев предположил, что «задостойник... был пропет вне связи с праздником Троицы в знак состоявшегося примирения» (с. 99). Однако, как мне кажется, можно высказать иное предположение, которое позволит согласовать данные источников. В 1744 г. празднование Сретения Владимирской иконы Божией Матери (21 мая) приходилось на понедельник и было 1-м, подчеркнем это, днем Петрова поста. Церковный устав (глава 51) предписывает в этот день совершать богослужение, подобное тому, которое совершается в седмичные дни Великого Поста. Теперь так обычно в посты (кроме Великого) не служат, но тогда к предписаниям устава относились внимательнее. Конечно, праздник менял ситуацию (и это Устав оговаривает), но торжественность службы в этом случае снижалась. Следует помнить, что Владимирская икона Божией Матери находилась в Успенском соборе и празднование ей там совершалось с большим торжеством³. Совпадение праздника с 1-м днем Петрова поста могло привести к тому, что праздник был перенесен (это случалось нередко). Кроме того, вечерня в неделю Всех Святых совершалась в Успенском соборе со своими особенностями. В этот воскресный вечер в главный храм России собирались «со всей Москвы, со всех сороков священницы со кресты в соборную церковь»⁴. Наложение друг на друга двух особенных богослужений также могло служить причиной переноса празднования Владимирской иконе Божией Матери на другой день. Скорее всего Сретение Владимирской иконы Божией Матери в 1744 г. в московском Успенском соборе праздновалось 18 мая, в пятницу (на субботу или воскресенье праздник перенесен быть не мог, так как в субботу празднуется отдание Пятидесятницы, а в воскресенье неделя Всех Святых). Таким образом, посещение Успенского собора старообрядцами могло состояться 18 мая 1744 г. Отмечу, что в тексте источника, как указывает Мальцев, нет точной даты, назван только праздник, а дата (21 мая) приписана на поле (с. 95–96). Это могло быть сделано позднее, по Святцам или по памяти. Сам «микрособор на чердаке» мог состояться 18 или 19 мая 1744 г.

4-я глава книги посвящена истории «маргинальных» беспоповских согласий – спасова, аароновского и страннического. По существу, ранняя ис-

тория этих согласий написана впервые, кроме истории согласия странников, подробно исследованной в другой работе Мальцева⁵. В главе содержится обзор вероучительных особенностей этих согласий и анализ их воззрений на Церковь, государство, на другие старообрядческие согласия. Большой интерес представляет обзор полемики о записи в раскол. В целом глава представляется важным вкладом в дело изучения истории и богословия радикальных старообрядческих согласий.

Самостоятельное научное значение имеет приложение «Перечень старообрядческих сочинений, использованных в работе» (с. 487–568). В перечень-каталог включено 378 сочинений. Большинство старообрядческих сочинений описано впервые. Каждое описание по возможности содержит название и инципит сочинения, сведения об авторе, времени и месте написания. Приводятся данные об известных списках и изданиях текстов, а также даются отсылки к наиболее распространенным каталогам старообрядческих сочинений, если в таковых описываемый памятник был учтен. Несомненно, созданный Мальцевым каталог будет весьма полезен в археографической работе со старообрядческими рукописями, совершенно необходим каждому исследователю-специалисту, занимающемуся историей старообрядчества, послужит вкладом в дело создания единого справочника, обобщающего археографический материал о литературном наследии старообрядчества⁶.

Пользуясь случаем, позволю себе сделать несколько незначительных уточнений и дополнений к каталогу Мальцева. К № 40 (с. 495): список этого сочинения есть в Тюменском областном краеведческом музее (ТОКМ), ОФ. № 5047, конец XVIII – начало XIX в., л. 90–110. К № 130 (с. 515): список этого сочинения есть в краеведческом музее г. Златоуста (Челябинская область) – КП–22435, ПК–4057, 80-е гг. XVIII в.⁷ К № 192 (с. 527): список сочинения – ТОКМ, ОФ. № 5047, конец XVIII – начало XIX в., л. 18–89. К № 303 (с. 551): сочинение должно быть датировано временем до 1812 г., так как адресат послания Федор Афанасьевич Космаков в этом году скончался⁸. К № 306 (с. 552): Мальцеву был известен дефектный список сочинения, в Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета (Курганское собр. V.40.р. / 704, 10-е гг. XIX в., л. 1–73) хранится полный список, начало: «Честнейшим отцам пустынного общества, иже на Выгореце, во обители Всемиловитоваго Спаса, Алексею Тимофеевичу, Ивану Ларионовичу, Петру Федоровичу, Козме Ивановичу и Никите Ивановичу и прочим и со всею о Христе собранною братиею желаем мира, здравия на веки нерушимо...».

Хотелось бы отметить, что новая книга А. И. Мальцева несомненно является серьезным вкладом в науку и будет полезна специалистам, занимающимся историей и литературой старообрядцев. Книга интересна и для истории русской богословской мысли в целом. Религиозная жизнь русского народа не может быть вполне понята, если мы не будем брать во внимание историю старообрядчества и историю старообрядческой мысли, анализ которой важен также и для диалога между Русской Православной Церковью и старообрядцами. Кроме того, современные радикальные течения, возникающие в Русской

Православной Церкви, в своих воззрениях иногда бывают поразительно похожи на радикальные течения в старообрядчестве⁹, и в этой ситуации обращение к истории старообрядческой мысли будет способствовать лучшему пониманию происходящего и содействовать выработке правильного отношения к нему.

Протоиерей Петр Мангилёв
(Екатеринбургская Духовная семинария)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII–XIX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002; *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. Т. 2. М., 2002; *Писания выговцев: Сочинения поморских старообрядцев в Древлехранилище Пушкинского Дома: Каталог-инципитарий / Сост.: Г. В. Маркелов.* СПб., 2004; *Духовная литература староверов Востока России в XVIII–XX вв.* [Т. 1]. Новосибирск, 1999; Т. 2. Новосибирск, 2005.
- ² *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в.: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898; *его же.* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909; *его же.* Споры в расколе во второй четверти XVIII века // *Христианское чтение.* 1911. № 1. С. 50–73; № 2. С. 168–195; № 3. С. 325–352; № 4. С. 451–490.
- ³ *Голубцов А. П.* Чиновники московского Успенского собора и выходы Патриарха Никона. М., 1908. С. 52–54, 183–189, 226.
- ⁴ Там же. С. 143, 266.
- ⁵ *Мальцев А. И.* Староверы-странники в XVIII – 1-й половине XIX в. Новосибирск, 1996.
- ⁶ О необходимости создания такого справочника см.: *Бубнов Н. Ю.* Основные задачи описания и издания старообрядческих рукописей // *Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы всесоюзной конференции.* Л., 1981. С. 217–218; *его же.* Писания русских старообрядцев: (К проблеме создания репертуарного справочника-указателя старообрядческих сочинений) // *Историография общественной мысли дореволюционного Урала.* Свердловск, 1988. С. 115–118; *его же.* Программа исследований старообрядческой письменности в Библиотеке Российской академии наук (итоги и перспективы камеральной археографии) // *Мир старообрядчества.* Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. М., 1998. С. 51–56; *Кобяк Н. А., Плигузов А. И., Круглова Т. А., Елпатьевская Е. А.* О переиздании книги В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев» // Там же. С. 57–64.
- ⁷ Благодарю Н. В. Мухину, указавшую на этот список.
- ⁸ Подробнее см.: *Суслова Л. Н.* Старообрядчество и власть в Тобольской губернии в конце XVIII – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. С. 66–67, 94; *Мангилёв П. И., прот.* К истории полемики между урало-сибирскими поморцами и странниками в 30-е гг. XIX в. // *Уральский сборник. История. Культура. Религия.* Вып. 5. Екатеринбург, 2003. С. 199.
- ⁹ *Авраам (Рейдман), схимгум.* От чего зависит спасение: Отношение к государству в Предании и истории Церкви // *Церковный вестник.* 2007. № 7(356). Апрель. С. 14.